

Владимир Кантор
Воздух поэзии

*(Калмыкова Вера. Растревоженный воздух,
стихи. М.: Русский импульс, 2010)*

Что такое филологическая поэзия, есть ли она? Когда я слышу это выражение, да еще с презрительными нотами в голосе, я всегда спрашиваю себя: а стоят ли наши университеты по уровню филологической или философской подготовки пушкинского лицея, гейдельбергского университета, где учился Манделъштам, или марбургского, о котором, как месте своего духовного и лирического взросления, даже в стихах вспоминал Пастернак?

Действительно, если алмаза нет, то шлифуй камень или не шлифуй — толку не будет. Но обработанный алмаз, даже маленький, имеет большую ценность, чем необработанный. Культура, образование шлифуют талант. Я не хочу равнять Веру Калмыкову с Пушкиным или Манделъштамом. Хотя она и использует ходы Осипа Эмильевича, но это именно ходы. Встречаются и интонации Бродского: «Я присяду вот здесь, размышляя в абстрактном ключе / о физических характеристиках боли». Я бы вообще не начал рецензию с этой темы, если бы о ней не заговорила сама Вера Калмыкова в своем предисловии: «Подразумевается, что если филолог пишет стихи, то получается вторичный продукт». Ее можно понять: слишком вкоренилось в наше сознание с советских времен, что интеллигент, человек образованный, ремеслом ручным не владеющий, не способен к подлинному творчеству. А поскольку культура и впрямь была для советско-пролетарских поэтов чужеродным элементом, то она им и мешала. Зато Маяковский говорил о себе, что он «стихами выхлебает

дни, и не увидав токарного станка». Но весь Серебряный век вырос в атмосфере высокообразованных творцов: от профессора Вячеслава Иванова и интеллектуала Валерия Брюсова, о котором, кстати, пишет автор сборника «Растревоженный воздух», как исследователь, — до филолога Александра Блока и философа Осипа Мандельштама.

Вообще омыть свою поэзию в источнике Серебряного века стремятся последние лет двадцать очень многие. Среди великих удач — Иосиф Бродский, Александр Кушнер, можно назвать еще десяток имен. Этой тенденции принадлежит и поэзия Веры Калмыковой. Начать представлять ее стихи можно практически с любого, хотя бы с этого:

Как вовремя Лаура умерла!
И прожила по счастью бессловесной!

Но я стремилась тишину восполнить
Хотя бы тенью прожитой в сознание

Линеен ритм сердечного движенья
Янтарная пчела уносит мёд
Не покидай моё воображенье
Не оставляй молчание моё

Беда, конечно, со знаками препинания. Их отсутствие поэтичности не добавляет, это школа модерна, начавшаяся с внутреннего монолога Джойса, мне кажется, пережила себя. А достоинств у стихотворения немало. Ненавязчиво мы введены в систему культурных ассоциаций, так любимую в Серебряном веке. Одна молчаливая Лаура дорогого стоит! Невольно вспоминается ахматовская: ирония: «Я научила женщин говорить, / Но, Боже, как их замолчать заставить!». И вместе с тем женская бессловесность, немота требуют преодоления. Женщине последнего столетия мало быть бессловесной музой, «прекрасной дамой», останавливать на скаку коня и входить в горящую избу. И это не отрицание женственности, напротив, ее апофеоз:

Эти книги читай, замечая за текстом меня!
Я для этого спрячусь за каждой из всех героинь.
Вот и буду монашкой, чтоб жизнь скоротать, как в гостях.

Вот и буду кукушкой — бездетна как будто, бездомна.
Вот и буду лягушкой — и даже не царских кровей.
Я хочу, чтобы ты мне сказал,
что любезнее сердцу.
Я твой выбор приму благодарно,
сменю своё тело, лицо
на любое обличье,
которое ты мне
укажешь.

В стихотворении «Инвектива» автор почти программно выскажется на эту тему:

Мне же
собачий лай у ворот
по вечерам придаёт уюта,
пью чай вприкуску,
кутаюсь в шаль,
ожидая мужа,
если борюсь, то только против
равноправия мужчин и женщин.

Здесь слышится пушкинское (сказанное с другой стороны): «Да щей горшок, да сам большой!». Мужскому пониманию нормальной жизни не противопоставлено, нет, — как бы досоставлено, дополнено женским пониманием нормы. Удивительно, как совпадает эта норма в ощущении не изломанной, а разумно устроенной жизни. Здесь тоже, наверно, можно увидеть скрытую центонность (вообще центонность порой выступает у Веры Калмыковой откровенно, подчеркнута — скажем, ее цикл «Стихи о России»), цитатность, но не буквальную, игра в которую понятна, а центонность духовно-

го созвучия. Могу согласиться с автором послесловия Вадимом Перельмутером, говорившим, что взрыв поэтический рубежа веков (рубежа нынешнего) привел многих стихотворцев к вторичности, от которой Вера Калмыкова удивительным образом ускользнула — «по касательной, вслушиваясь и вдумываясь в происходящее вовне и отбирая, органически осваивая, присваивая своей отдельности всё, что соответствовало внутреннему смыслу, необходимой и достаточной краткости высказывания» (с. 100).

Краткость все же у Калмыковой не такая и краткая. Есть стихотворения немаленькие; но речь идет о другой краткости — об отсутствии в её поэтическом слове духовных пустот. И возможно это, на мой взгляд, лишь потому, что культура не есть нечто внешнее автору. Это не усвоение чужого и чуждого духовного опыта, а подлинное бытие в культуре. В данном случае бытие внутри русской классики — от века пушкинского до века серебряного, или, по словам Калмыковой, «спринтерский бег в лесу карандашных помет, / целая фабрика ссылок». И далее: «бежало время по пятам, / в затылок мне дыша».

Можно бы закончить рецензию, завершая предложенную рецензентом тему, маленьким стихотворением поэтессы, говорящей о ее вписанности в большое время:

Будущее наступает уже сейчас
пока настоящее мимо нас проходит
ты всегда говоришь, что тогда было лучше
я ищу где же это тогда
и пытаюсь поймать сейчас
а оно ускользает

Здесь мне не мешает даже отсутствие знаков препинания, настолько точно расставлены слова, говорящие о том, о чем с легкой руки Пруста и Фолкнера не переставая думал прошлый век.

Но все же есть в книге прорывы в глубину неожиданную, вполне метафизическую, которая дается не просто жизнью в культуре, а собственным духовным опытом:

...а у твоей смерти
вероятно, и вовсе не будет глаз
и взгляда не будет — или
она посмотрит не на тебя
она тебя пролистает:
так проглядывают газету,
ожидая кого-то в зале метро

Это неожиданный ужас, который может охватить любого из нас, но который выражает только поэт. Такого рода опыт не придумашь, это надо прочувствовать, увидеть духовным взором. Это стихотворение о смерти бесспорно обещает долгую жизнь стихам Веры Калмыковой.